

Гу Яньшу внезапно понял, почему моряки, бороздящие просторы океана, поддаются чарам сирен. Всё это было из-за...

Открыв глаза, он увидел трепещущие ресницы Бай Ицина. В его персиковых глазах, окутанных нескончаемой дымкой, отражались смутные эмоции. Их носы слегка соприкоснулись, вызвав лёгкую боль... В этот момент Бай Ицин выглядел невероятно соблазнительно...

Рука, которая долго была в нерешительности, наконец опустилась на талию Бай Ицина. Тело, подчиняясь сердцу, невольно начало отвечать на его прикосновения.

Всё это было из-за того, что сирены действительно слишком прекрасны и способны очаровать любого...

Этот поцелуй, как и кормление, был всего лишь тестом...

И Гу Яньшу успешно прошёл этот тест, получив высший балл, хотя его навыки в поцелуях оставляли желать лучшего...

Спустя долгое время...

Бай Ицин отпустил губы партнёра, тяжело дыша. Его прежде нежно-розовые губы теперь были ярко-алыми, покрытыми влагой. С улыбкой в глазах он посмотрел на Гу Яньшу и, сбиваясь от дыхания, произнёс:

— Ну что, я тебя соблазнил? Попробуй только ещё раз меня игнорировать!

— Ты... — Гу Яньшу невольно облизнул влагу на своих губах, но тут же осознал, чья это была влага, и почувствовал прилив стыда. — Ты поцеловал меня!

— Ну да, — кивнул Бай Ицин, задумчиво добавив:

— Кажется, я не только поцеловал тебя, но и...

Он повернулся и, подняв взгляд, устремил на партнёра глаза, похожие на лёгкую рябь на морской глади на рассвете. Тонкие губы изогнулись в соблазнительной улыбке:

— Я ещё и язык использовал.

— Ты! — Гу Яньшу указал пальцем на Бай Ицина. — Я...!

Его тело слегка дрожало, слова застряли в горле. Непонятно, злился ли он из-за поцелуя или из-за того, что сам ответил на него.

Бай Ицин заметил, что в воздухе, помимо аромата еды, витал лёгкий древесный запах — это был уникальный аромат феромонов Гу Яньшу.

Несмотря на то что они уже были близки, Бай Ицин почувствовал, как его железа слегка нагрелась. Это ощущение было странным, и он невольно прикрыл рукой свою железу.

Это действие само по себе ничего не значило, но Гу Яньшу, с его склонностью к фантазиям и учитывая недавний поцелуй, воспринял это совсем иначе...

— Ты уже поцеловал меня, зачем ещё соблазняешь? — Гу Яньшу взял его за руку, не позволяя прикрывать железу.

— Нет... — Бай Ицин засмеялся. — Кто кого соблазняет? Это ты меня соблазняешь.

— Я тебя соблазняю? — Гу Яньшу был настолько поражён, что не мог вымолвить ни слова. На его лице читались недоумение и недоверие. — Меня поцеловали! Это я был прижат, а не ты! Это ты язык использовал! Как это я тебя соблазняю?

А обычно ты говоришь, что я тебя соблазняю, даже когда я ничего не делаю, — про себя подумал Бай Ицин.

— Просто вы, господин Гу, настолько великолепны, что я не смог устоять, — с «искренней» улыбкой посмотрел Бай Ицин на партнёра.

Услышав это, Гу Яньшу покраснел и невольно пробормотал:

— Правда?

Этот вид был действительно милым. Бай Ицин, смеясь, ущипнул его за щеку:

— Правда. Ты выглядишь так прекрасно, что я просто не могу сдержаться.

— Так может, ты уберёшь свои феромоны? — Бай Ицин приложил свою прохладную ладонь к лицу партнёра, чтобы охладить его, и тихо добавил:

— Иначе я действительно не выдержу.

Только тогда Гу Яньшу понял, что его феромоны вырвались наружу. Прикрыв шею, он спросил:

— Когда это случилось? Почему ты мне не сказал?

Феромоны мгновенно исчезли, и через несколько секунд древесный аромат в воздухе

полностью рассеялся. Лёгкий жар внутри Бай Ицина тоже утих, и ему стало легче.

— Они появились, когда мы целовались.

— Не говори это слово! — Услышав это, Гу Яньшу снова покраснел и прикрыл лицо Бай Ицина.
— Запрещаю!

С прикрытым ртом Бай Ицин мог только смотреть на партнёра своими глазами, и его слова звучали приглушённо:

— Почему нельзя? Это слово что, как «Волан-де-Морт»?

Гу Яньшу властно ответил:

— Нет, но всё равно нельзя.

Затем он не смог удержаться и начал поучать:

— Скажи, как это ты, Омега, постоянно думаешь о...

Бай Ицин снял его руку и сказал:

— О соблазнении альфы? Или о том, как быть распутным?

Распутным?

Гу Яньшу вспомнил, как в прошлый раз, когда Бай Ицин болел, он плакал и жаловался, что его постоянно называют распутным...

Плакал...?

Гу Яньшу сглотнул и тихо пробормотал:

— Я так не говорил.

— Что? — Бай Ицин не расслышал и приблизился. — Повтори, я не расслышал.

Внезапно приблизившееся лицо, острый нос прямо перед его грудью, круглые уши, нежно-розовые, как жемчуг... Гу Яньшу задержал дыхание и отодвинулся:

— Не подходи так близко, иначе я решу, что ты меня соблазняешь!

— Всё равно ты думаешь, что я тебя соблазняю, так что лучше уж действительно это сделать...
— Бай Ицин тихо пожаловался.

Гу Яньшу нахмурился:

— Что ты сказал?

— Ничего, — быстро покачал головой Бай Ицин.

— Я тебе говорю, как ты можешь просто так целовать альфу?

Просто так?

Услышав это, Бай Ицин слегка прищурился и спокойно сказал:

— Потому что один альфа заявил, что он мой муж.

— Кхе! Кхе-кхе! — Гу Яньшу закашлялся и, запинаясь, произнёс:

— Я... Я говорил правду.

— Да, ты прав, — кивнул Бай Ицин, его лицо расслабилось, а персиковые глаза опустились вниз, словно он смотрел на что-то.

Его слова были лёгкими, как дым, но они заставили Гу Яньшу замолчать:

— Так что же плохого в том, что я целую своего мужа?

— Это другое! — возразил Гу Яньшу. — Я...

Его слова застряли, возможно, он не хотел видеть, как партнёр расстраивается. Он отвернулся к окну и холодно сказал:

— Это нужно делать с тем, кого любишь, а я... не люблю тебя.

Не любит меня...

На лице Бай Ицина не было ни радости, ни злости. Он просто смотрел на партнёра, затем глубоко вздохнул и спокойно произнёс:

— Не любишь, да?

На лице Гу Яньшу промелькнула тень сомнения. Он отчётливо помнил, как его сердце учащённо билось во время поцелуя, чего раньше никогда не было. Но учащённое сердцебиение... не обязательно означает любовь... верно?

— Да, — повернулся Гу Яньшу к Бай Ицину и чётко произнёс:

— Я не люблю тебя.

Его слова звучали уверенно, без тени сомнения. Эти фразы, словно заученные, вылетели из его уст и упали в уши партнёра.

Бай Ицин смотрел, как тонкие губы Гу Яньшу произносили эти ранящие слова. Порой слова могут ранить сильнее, чем лезвие. Несколько лёгких слов, но они вызвали в нём сильную горечь...

— Не любишь, да? — Бай Ицин опустил голову, тонкие пряди волос упали на глаза, скрывая их красоту.

Гу Яньшу не мог понять эмоций на лице партнёра, и его сердце сжалось от тревоги. Он боялся увидеть, как тот заплачет, и его рука невольно опустилась на талию Бай Ицина.

Через некоторое время Бай Ицин поднял голову, улыбнулся и сбросил его руку:

— Господин Гу, если ты меня не любишь, почему ты целовал меня так страстно? А?

Он легонько лизнул внутреннюю часть губы, словно от боли, нахмурившись:

— Ты мне губу разбил, хочешь посмотреть?

— Разбил? — Гу Яньшу не думал о многом в этот момент, его волновало только то, действительно ли он причинил боль этому маленькому Омеге. Он напряжённо сказал:

— Открой рот, дай мне посмотреть.

Этот альфа! Только что говорил, что не любит, а теперь уже не может сдержаться?

Бай Ицин мысленно проклинал его, оттолкнув рукой:

— Не дам. Если я буду делать всё, что ты скажешь, то где же моя гордость?

Он встал, опершись руками на Гу Яньшу, и смотрел на него сверху вниз.

— Ты собираешься и дальше игнорировать меня?

Бай Ицин вдруг понял, почему партнёр всегда смотрел на него именно так. Нельзя не признать, что эта поза действительно приятна.